

Утром Тася встала раньше всех. Прокралась в комнату родителей, тревожно посмотрела на них. Ирина Романовна и Пётр Вадимович безмятежно спали. Тася отключила сотовый, включила на нём записывающее устройство и хотела было поместить под столом, за ящиками. Но подумала: «Нет, здесь нельзя, здесь они вряд ли будут говорить». Подумав, она пошла в зал-гостиную, и поместила телефон там, за креслом.

Никогда она так не торопилась с работы домой, как сегодня! Обычно Тася после работы шла в библиотеку, сквер или просто гуляла по городу — только бы поменьше быть дома.

Придя, Тася услышала от Ирины Романовны:

— Ну вот, наконец-то! Мы тебе целый день звонили, а автоответчик отвечает: «Телефон отключён». Разве можно?

— И что, зачем вы мне звонили? — спросила Тася.

— Чтобы сказать, чтобы ты шла домой быстрее, — ответила Ирина Романовна. — И удостовериться, что ты жива. А то ты же знаешь, как это опасно — ходить одной по улицам? Я же беспокоюсь...

Тася слушала излияния матери вполуха, она напряжённо думала, как достать телефон незаметно? На глазах домочадцев она достать его не может — тут же начнутся расспросы-вопросы, как он там оказался. Подождать, когда вся семья сядет за стол? До того момента — три часа. Да и задерживаться в их семье позволено только отцу. А тот как завалится на диван в зале — его оттуда только на кухню и можно вытащить. Или...

И тут у Таси мелькнула мысль, за которую она ухватилась, как утопающий за соломинку. С громко бьющимся сердцем, постоянно оглядываясь, прислушиваясь, вышла она в прихожую. На ватных от нервного напряжения ногах прошла она к отцовскому полушубку. Запустила в карман трясущуюся руку, нащупала пачку сигарет, вытащила. Пошла в свою комнату и выбросила пачку в окно.

Тася легла, чтобы успокоиться и привести в порядок свои мысли. Но, как только спина её коснулась постели, она услышала, что её зовёт Пётр Вадимович:

— Тася, принеси сигареты из кармана моего полушубка.

— Нет. Я не люблю, когда ты куришь дома, и потворствовать этому не буду, — отчеканила Тася.

— Папа, я принесу, — услышался угодливый тон Киры.

Тася встала за дверь, вся сжавшись, напружинившись, как кошка,

приготовившаяся к прыжку. Через какое-то время (Тасе показалось, что прошла целая вечность) Кира недоумённо сказала:

— А там сигарет нет...

— Да быть того не может, — ответил Пётр Вадимович. — Неужели я их в портфель засунул? Кира, принеси мой портфель.

Тася вся напряглась. «Если у него там хоть одна сигаретка завалялась — всё напрасно! Придётся другой способ изобретать, чтобы поднять этого тюленя с его лежбища!»

— Нет и здесь, — недоумённо сказал Пётр Вадимович. — И куда они могли деться?

Пётр Вадимович вышел в прихожую. Тася побежала в комнату родителей, схватила телефон и метнулась обратно.

Она не слышала ни как недоумевал отец по поводу неизвестно куда пропавших сигарет, ни как угодливо поддакивала ему Кира, ни как утешала его Ирина Романовна. Сердце билось как молоток, кровь шумела в голове, в ушах, в глазах темнело. На ватных ногах дошла она до кровати, повалилась на неё и часто задышала.

Но... надо сделать то, для чего она это всё и затевала. И, отдышавшись, Тася

включила звуковоспроизведение на телефоне. Послышались какие-то шумы, гудки... Она переводила время до тех пор, пока не услышала человеческие голоса — властный, жёсткий Петра Вадимовича, негодующий — Ирины Романовны и угодливый — Киры.

— Ну что, — спросил Пётр Вадимович, — не хочет, — он грубо выразился.

— Ну! — ответила Ирина Романовна. — Уж я ей и так, и эдак доказываю, что там ей будет лучше, а она — ни в какую! Упёрлась, и всё тут. Не понимает, что мать ей плохого не пожелает.

— Мама, — слышался голос Киры, — а я?

— Что «а я»? — спросила Ирина Романовна.

— Мне ты желаешь хорошо устроиться?

— Что за вопрос! Конечно, доченька. Тебе мама тоже этого желает, — захотала Ирина Романовна.

— Но тогда почему вы не обратите внимание Фреда на меня?

— А это потому, что ты умная девочка и ты легко найдёшь себе другого. У тебя есть ум, прекрасный характер, и главное — желание хорошо жить. А у Таси — только молодость. И для неё этот шанс — единственный.

— Не понимаю, как это так можно — себе добра не желать? — нараспев сказала Кира.

— Да хочет она себе добра, — ответил Пётр Вадимович уверенно. — Но хочет, чтобы её насильно — он грубо выразился — к нему.

— То есть как? — спросила Ирина Романовна.

— То есть так, — ответил Пётр Вадимович. — Она хочет, чтобы Фред (он неприлично выразился) её силой. И мы это ей обеспечим!

Тасе стало страшно, она выключила телефон и заметалась по комнате в поисках документов.